

Экран и сценарий
№ 1096 - 5 -
19 дек. (~ 47-48) - 4/16

1977 год. Театр Комедии. Вы ставите первый спектакль в Питере — “Незнакомец”.

— Да, правильно. Молодец, раскопал.

— Руководство театра вас пригласило? Тогда вы числились, кажется, в очень даже нежелательных и опальных.

— Я думаю, инициатива исходила от Леонида Генриховича Зорина, автора пьесы. Наверное, он был настойчив. Меня тогда несколько раз приглашали в Питер, но когда в управлениях согласовывали мою кандидатуру, то советовали от меня отказаться. Не рекомендовали в БДТ, когда Михаил Рошин предложил меня для постановки его “Эшелона”. С Владимировым мы в Театре Ленсовета раза три разговаривали, искали пьесы — тоже ничего не получалось. Щупальца властей тогда протягивались всюду, театр ведь обслуживал систему. А тем более у вас, в колыбели революции, хотя в люльке давно никакой ребенок не лежал. В Москве — цитадель революции, здесь — колыбель.

Но, видимо, как-то удалось убедить начальство, что я не буду раскачивать коляску. Со второй работой было проще. Гольдони казался безопасным — что-то такое смешное, ну ладно. Но вовсе не раскачивать коляску я не мог. И Лев Лемке, его уже нет, играл у меня самого Гольдони. Садился в начале спектакля в кресло и читал минут двадцать из книжки диссидента Синявского “Голос из хора”. А перед вторым актом — из Нобелевской речи Солженицына. Что вы смеетесь, это все было! А в финале я взял стихотворение Гумилева “Гамлет” — и Сережа Курехин, тоже покойный ныне, написал на эти стихи песню. Компания Курехина появлялась в театре. Все такие патлатые — и от них первой шарахалась Юнгер, потому что это все, по ее мнению, не соответствовало парфюмерной структуре театра (хотя он не был при Акимове таким парфюмерным!). Стоило мне кому-то обмолвиться, что это стихи Гумилева, как их, конечно, немедленно запретили — и, вероятно, на этом успокоились, потому что Синявского и Солженицына не тронули. Инстанции проявили бдительность — проверить что-то еще им в голову не пришло.

— И после редких “наездов” в Питер — два раза за много лет — вы в последние годы становитесь просто нашим, здешним режиссером. Не только регулярно приезжаете на гастроли с московскими постановками, то и дело ставите у нас: в Молодежном, в ТЮЗе, теперь в Театре Сатиры. Вы ощущаете себя принадлежащим петербургскому театральному кругу?

— Я очень люблю этот город. Он сформировал мое мировоззрение — его религиозная философия начала века и Достоевский, конечно. Я когда работал в Вильнюсе, ходил в библиотеку спецхрана — чего там только не было! Я там прочитал Бердяева, Шестова. Книжки, реквизированные в послевоенные аресты, ну и с довоенных еще времен оставшиеся. Феноменальное было хранилище! Меня пускали, очень любезно ко мне относились, и хотя там не разрешалось ничего записывать — на это закрывали глаза, и я строчил, строчил... А потом мы ездили с вильнюсским

театром в Вологду — и там нашли архив в каком-то чудовищном подвале, сваленный чуть ли не с восемнадцатого года. Никто к нему не прикасался, никому он не был нужен. И из этого подвала, через окна, которые выходили на уровень тротуара, я много книг вынес, спасая их просто от сырости. Все, что я ставлю в Питере, — ставлю из признательности за духовные богатства, кото-

гда делали капитальный ремонт, сняли крышу. И все исчезло, все, что там годами было накоплено! И ничего там теперь не ощущается.

— Роман Григорьевич, у вас не было желания поработать в музыкальном театре? В последние годы весь “цвет” нашей драматической режиссуры потянуло попробовать свои силы в оперном жанре и

своем театре, и в “Современнике”, и в Петербурге. Конечно, теперь у меня свой театр, и я могу перенести туда из Киева спектакль с Адой Роговцевой, из Питера — “Фердинандо”, тем более, что он там оказался не очень-то нужен.

— Однажды вам пришлось выступить в качестве актера: вы играли в шведской пьесе.

— Ну, играл — это сильно ска-

Роман ВИКТЮК:

“Бабочка прилетела зимой”

Осенью в театральном Петербурге безраздельно главенствовало имя Романа Виктюка: гастролы его московского театра прошли в Доме культуры Ленсовета, в Театре Сатиры состоялась премьера его спектакля “Butterfly, butterfly” по пьесе Альдо Николаи.

рые он мне открыл.

— И в прошлом веке, и в нынешнем две российские столицы испытывали особенную ревность друг к другу. Снискав успех в одном городе, многие не успокаивались, пока их не признавали и в другом.

— Да ну, ерунда! Я этого не понимаю.

— И тем не менее. Ваши первые, большие гастролы в Александринском театре, пять лет назад.

— Да, да! Любимейшая моя сцена!

— Вы не испытывали чувства победы? У ваших ног лежала покоренная “колыбель революции”, когда-то вас не признававшая и притеснявшая?

— Нет, нет! Клянусь, я об этом не думал. Я не злопамятен и не мстителен. Я был только благодарен публике (а я вам скажу, что здесь самая сумасшедшая публика), и этому помещению, где нам пришлось играть. Души великих артистов образовали там особый купол, который чувствуется всякий, кто выходит на сцену. Кажется, что ты общаешься с ними.

Во МХАТе, в Камергерском,

Гинкаса, и Додина, и Васильева, и Чхеидзе.

— Я ставил однажды в Минском театре оперетты. А сейчас делаю маленькие шажочки в сторону “Травиаты”. Я готовлюсь к ней, пока не знаю, где смогу ее поставить. И еще идут разговоры с Большим театром, может быть, что-то поставлю у них.

— Теперь в Москве у Театра Романа Виктюка есть свое здание.

— Оно нам выдано — бывший Дом культуры в Сокольниках. Но там еще долго будет идти ремонт, чтобы театр смог туда въехать.

— Но адрес есть. И очевидно, появится новое ощущение, несравнимое с тем, которое сопровождало вас в годы бездомного существования.

— Это как панцирь для черепахи. Но если заикливаться на материальном, то погибнет все остальное. Будет сохранена та же структура, которая у театра есть сейчас. Никакой постоянной труппы: наш театр одновременно государственный и частный. Московское правительство вошло в наши соучредители. Но для меня ничего не меняется. Я по-прежнему буду ставить и в

зано. Мы там читали: я — за Таирова, Сережа Юрский — за Мейерхольда, Олег Ефремов — за Станиславского. Пьеса посвящена приезду китайского актера Мэй Лань-Фаня в СССР в тридцатые годы. У нас с Сережей Юрским там были долгие диалоги — я был счастлив с ним работать, у него совершенно бешеная, истинно мейерхольдовская энергия.

— Вот-вот, вас ведь всех не случайно выбрали — каждого на свою роль.

— Не знаю, чем руководствовались исполнители, не я выбирал, но был бы счастлив, если бы за этим проглядывались какие-либо параллели. А вы знаете, что мой диплом подписан Алисой Георгиевной Коонен? Единственный раз ее пригласили в ГИТИС возглавить соответствующую комиссию, и я, староста курса, заезжал за ней. Она сказала, что не берет на себя смелость определять степень дарования каждого, и только одному студенту она готова поставить самый высший балл. Это был — да, ваш покорный слуга. И потом, когда в Театре имени Пушкина, бывшем Камерном театре Александра Яковлевича Таирова, мы готовили премьеру

“М.Баттерфляй” — на утренней репетиции (а была зима) мы увидели: летает бабочка. Этого не могло быть! Я подумал: душа Алисы Георгиевны решила навещать нас и дать добро. Потому что, когда их в 1949-м выгоняли из театра, она прокляла это здание. Сейчас в Театре Пушкина на месте их бывшей квартиры — туалет.

— Вы упрекнули своих коллег — мол, прекрасные актрисы, с которыми вы работали, — Ахеджакова, Терехова, Неелова, Ковель, Максакова — не сыграли той великой литературы, на которую имеют право. Не сыграли Шекспира, Ибсена. Но упрек можно переадресовать: а что вы с ними ставили и ставите — Петрушевскую, Коляду, Альдо Николаи?

— Ну, ну! А Тенесси Уильямс, а “Анна Каренина”! Но их время ушло: сейчас нужны юные Джульетты. Что я могу сказать? Вот Валентина Ковель в пьесе Альдо Николаи сыграла, как я считаю, все свои несыгранные роли. Вот сейчас мы с Мариной Нееловой начинаем в “Современнике” “Месяц в деревне”, а с Алисой Фрейндлих — “Осенние скрипки”. Это пьеса Ильи Сургучева, которую Станиславский когда-то не принял, считая, что она принадлежит массовой культуре. За этим писателем утвердилась репутация человека бездарного, работающего на потребу публики. Я перечитал — что вы! Там техника письма воспринята от Чехова, от Тургенева!

И еще будет одна работа с Алисой Бруновной: Нино Манфреди написал пьесу на двоих — “Легкое поведение”. Манфреди хочет приехать и сыграть мужскую роль — может быть, один раз, не более. А кто будет у Фрейндлих партнером, мы пока еще не определили.

— Вас тянет именно к итальянской пьесе, даже итальянский театр хотите в Петербурге обосновать. Красиво звучит: Итальянский театр на Итальянской улице.

— На Итальянской улице уже не получится: нет места свободного. Раньше мне как-то все говорили: да-да, и Собчак поддерживал. Владимир Яковлев, новый губернатор, тоже обещает поддержку. Это же естественно — итальянский театр в городе, построенном итальянцами: Трезини, Росси, Кваренги — что я вам буду рассказывать! Итальянцы тоже за эту идею схватились: это ведь не только ради наших постановок, но, чтобы там гастролы проходили, ведь в этом городе всегда были итальянская труппа, французская труппа — постоянные.

— Но что же вас так тянет именно к Италии?

— Кто знает, кем я был в прошлых своих воплощениях на Земле? Возможно, мой родной Львов был центром Европы, перекрестком культур? Папа Иоанн-Павел II — львовянин. Вот вам еще одна нить. Мы с ним общались.

— Вы — католик?

— Я принадлежу греко-католической церкви.

Беседовал
Леонид ПОПОВ.

Фото О.ЧУМАЧЕНКО.